

27. *Стоянова Ваня*. Границитена «българската национална територия» в Тракия (1913–1947) // *Regions, borders, identities in Central and Southeast Europe, 17-th – 21-th centuries. Collected studies / Penka Peykovska, Gábor Demeter (ed.)*. Sofia; Budapest: Institute of history: HAS, 2013. С. 191–204.
28. *Тодев Илия*. Българското национално движение в Тракия 1800–1878. София : Акад. изд-во «Марин Дринов», 1994.
29. *Узунов Красимир, Начев Генчо*. Забравената война 1912–1913. София : Студио Витамин Арт, 2013.
30. *Филчев Иван*. Тракийският въпрос и тракийското движение в България. София : изд-во «Проф. Марин Дринов», 2007.
31. *Якимов Александър*. Балканската политика на Гърция между дветесетовни войни. София : Симелпрес, 2012.
32. *Dakin Douglas*. The Greek Struggle in Macedonia 1897–1913. Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1966.
33. *Fromkin David*. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York : Henry Holt and Company, 2001.
34. *Kofos Evangelos*. The Macedonian Question: The politics of Mutation. Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1987.
35. *MacMillan Margaret*. Paris 1919: Six Months That Changed the World. New York : Random House, 2002.
36. Modern Greece: a history since 1821 / Giannēs Koliopoulos, Thanos Veremēs (ed.). Chichester, U. K. ; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
37. *Petsalis-Diomidis Nikolas*. Greece at the Paris Peace Conference (1919). Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1978.
38. *Rossos Andrew*. Macedonia and Macedonians. A History. Stenford : Hoover Institution Press, 2008.
39. *Smith Michael Llewelin*. Ionian Vision: Greece in Asia Minor, 1919–1922. London : Hurst and Company, 2000.

Самохвалов Д. С.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ: СЛОЖНЫЙ ПУТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В современной историографии междисциплинарные исследования заняли прочные позиции. Необходимость сотрудничества историков с представителями других наук объясняется тем, что история связана с изучением человеческой деятельности. Современное общество, его уклад, быт, внутренние коммуникации и межличностные отношения – объект познания специалистов самых разных научных направлений. Однако изучение обществ минувших времен формально отдано на от-

куп истории. Разумным выходом из этой ситуации является заимствование фактов, методов и приемов других дисциплин, изучающих человека и человеческую деятельность.

Начиная с XIX в. историки успешно заимствовали отдельные методы и готовые объяснительные концепции из языкознания, социологии, экономики и антропологии. Например, из социологии в историю попали классовый, формационный и эволюционный подходы, теория модернизации и мир – системный анализ. В немалой степени под влиянием идей социологов до второй половины XX в. исторические труды были больше посвящены изучению социальных процессов, чем самого человека. Антропологический поворот отчасти изменил эту картину. Понимание человека прошлого, его внутреннего мира и мотивов деятельности стали необходимым атрибутом современной историографии.

Психология – наука, которая могла бы предложить историкам обширное поле для междисциплинарных усилий. Она изучает человеческую психику как сплав разума, сознательного и бессознательного поведения. Психологи также могут быть заинтересованы в союзе с историками, поскольку нуждаются в информации о психических процессах в прошлом. «Нам, прежде всего, нужно сообща иметь дело с тем обстоятельством, что различные психологии и психологи подвластны историческим законам, а историки и исторические летописцы – законам психологии», – отмечал известный американский психолог Э. Г. Эриксон [8, с. 559–560]. Однако спустя более полувека после написанных им слов мы вынуждены констатировать, что междисциплинарная интеграция истории и психологии имеет очень ограниченный характер.

Долгое время историки решали проблему описания характера известных личностей и мотивов их поведения с помощью литературных приемов, которые стали постепенно вытесняться из их трудов лишь в XIX веке под влиянием позитивизма. Примерно тогда же возникла психология как самостоятельная наука. В работах психологов различных направлений предпринимались попытки использования собственных методов и подходов для исследования проблем прошлого. Однако историки игнорировали усилия психологов. Ситуация выглядела необычной, если учесть то обстоятельство, что историческое сообщество не было консервативным и хорошо понимало потребность в кооперации. Возможно, дело в том, что до первой мировой войны авторитет истории как науки был чрезвычайно высоким, и историки требовали от представителей других дисциплин внимательного отношения к своим исследованиям. Работа психологов на историческом поле, как правило, ограничива-

лись не всегда корректным подбором фактов. В этой связи стоит вспомнить критическое замечание Г. Риккерта: «Применение господствующего в настоящее время в психологии метода к историческим наукам должно почти что неизбежно привести на ложный путь, что и случилось там, где место исторического изложения заняли социально-психологические теории» [5, с. 47].

После первой мировой войны история как наука оказалась в кризисе. В новых сложившихся условиях требовалось уметь выделять проблемы и решать их. Для решения проблем историки нуждались в новых подходах, и опыт психологов обращал на себя их внимание. Так, известно, что основатель Манчестерской историографической школы Л. Б. Нэмир интересовался теорией З. Фрейда [11, с. 179]. Один из наиболее радикальных реформаторов историописания М. Блок изучал ментальность людей прошлого и считал, что исторические факты по преимуществу психологические [1, с. 104]. Его близкий коллега, редактор журнала «Анналы» Л. Февр предлагал ясно оговоренное сотрудничество историков и психологов [6, с. 107]. Но этот всплеск интереса к междисциплинарной интеграции с психологией имел очень ограниченный характер.

Большинство историков, стремившихся понять мир людей прежних времен, их мысли и переживания, научились избегать теории и методологии, присущих психологии. Представители истории повседневности, истории ментальностей и исторической антропологии стали описывать формы существования и поведения, определенные процедуры и модели мышления, основанные на внешних факторах. Пример им был подан известной американской исследовательницей-антропологом Р. Бенедикт. В 1934 г. она опубликовала свою знаменитую работу «Шаблоны культуры», в которой заявила: «Культура подобно личности – это более или менее стойкий шаблон мыслей и действий» [9, с. 46]. В ее понимании культура избирательно заимствовала те или иные индивидуальные черты, чтобы превратить их в главные характеристики представителя культуры. Такой взгляд на культуру как некую слепую могущественную силу не был лишен налета мистицизма, который определялся холистической методологией автора. В силу обстоятельств Р. Бенедикт не имела широких возможностей для полевых исследований и опиралась на анализ известной истории, литературы, дневников и документов. Ее опыт очень походил на работу самих историков, которые вынуждены восстанавливать картину прошлого не посредством прямых контактов, а через источники, запечатлевающие отдельные факты и свершившиеся события. Возможно, именно

это предопределило их выбор в пользу описания шаблонов вместо попыток понимания внутренних индивидуальных мотивов.

Второй способ избегания прямых заимствований из психологии при изучении умонастроений людей прошлого заключается в распространении концепции, разработанной лингвистами, о ключевой роли языка в формировании сознания. Историки давно использовали методы лингвистики в работе с письменными источниками, а потому благосклонно восприняли идею изучения ментальности через образы, отображаемые в текстах. В конце XIX – первой половине XX в. доминировал герменевтический подход, позже – структурализм и постструктурализм, семиотическое толкование знаков как отражения человеческого сознания и прочтения культуры через знаковые системы. Хотя психология не отвергает ценность семиотического анализа и, более того, собственный опыт определения и трактовки знаковых систем присущ некоторым направлениям психологической науки, историки, применяющие данный подход, как правило, игнорируют практику психологов, опираясь на идею существования неких рациональных шаблонов внутри текста или культурной реальности. Таким образом мы сталкиваемся с существованием исторической психологии, где нет места психологии.

Не менее печальным выглядит опыт психологов. В карте наук одного из основателей социальной психологии В. Вундта история и психология стояли рядом [2, с. 71]. Однако психология мыслилась им как феноменологическая область знаний, призванная проводить эмпирические исследования и искать законы, а история – как генетическая, описывающая происхождение проблемы. Столь узкое понимание истории превращало ее из отдельной науки в частный исследовательский инструмент. Позже Ж. Пиаже закрепил за понятием «исторический» лишь формы генетического или ретроспективного описания. В дальнейшем психологи демонстрировали завидное постоянство в рестрикции понимания истории. Причем, это характерно даже для тех исследователей, кого принято относить к историческим психологам.

В трудах Л. С. Выготского, основателя советской школы, получившей после его смерти название «культурно-исторической психологии», термин «исторический» применяется по отношению к изменениям в ходе социально-культурного развития [3, с. 101]. Сама история представлялась ученому схематически как среда, в которой формируются особенности поведения. Любопытно, что его трактовка символизма давала широкие возможности для объяснения артефактов прошлого и в сочетании с историческими методами сбора и анализа информации мог-

ла бы существенно изменить традиционные представления, по меньшей мере, о бесписьменных обществах. Но ни сам Л. С. Выготский, который умер в 1934 г. в тридцативосьмилетнем возрасте, не успев многое реализовать, ни его ближайшие ученики и последователи не пытались применить это на практике. История оставалась для них фоном протекания психологических процессов, а не областью для изучения.

Французский психолог И. Мейерсон, определивший психологию как изучение истории [7, с. 127], призывал к постижению психики человека через анализ его творений и установлению причин изменения в поведении людей различных эпох. Пожалуй, он единственный из западноевропейских ученых прошлого столетия был наиболее близок к идее методологической интеграции психологии и истории. К сожалению, его призывы во многом оставались программными и носили лишь теоретический характер.

Существование исторической психологии без психологии и исторической психологии без истории свидетельствует об отсутствии точных представлений историков и психологов о сущности дисциплины, которую представляет противоположная сторона. Однако ситуация с разделением исторической психологии на две ветви вовсе не уникальна. То же самое произошло с социальной психологией, которая с конца XIX в. развивалась отдельно в среде социологов и в среде психологов, так что иногда принято говорить о «социологической социальной психологии» и «психологической социальной психологии».

Во второй половине XX в. в двух странах, находившихся на разных полюсах политического развития, были предприняты попытки методологической кооперации истории и психологии. Так, советский академик Б. Ф. Поршнев предложил собственное видение исторической психологии, которую считал необходимой для создания полноценной картины развития человечества [4, с. 9]. Его разработки опирались на обширные знания не только истории, археологии и психологии, но также лингвистики, физиологии и других наук. Усилия Б. Ф. Поршнева не встретили полного понимания и одобрения со стороны коллег. Его труд «О начале человеческой истории» был издан лишь спустя два года после его смерти в 1974 г., причем в неполном виде. Его последователи фактически ограничивались историографическими изысканиями и описанием опыта зарубежных ученых. В современной российской науке сохраняются определенные традиции, заложенные во времена СССР. Для них характерны широкое толкование понятия «историческая психология», куда

включаются антропологический и лингвистический подходы, и опора на общеисторический инструментарий.

В США в рамках «новой истории» получила развитие психоистория, представители которой привлекли психоаналитические теории для установления причин произошедших событий. В 1974 г. психоисторик Л. де Мос предложил собственную психогенетическую теорию истории [10, с. 97–100], которая претендовала на то, чтобы стать парадигмой и вытеснить традиционные исторические представления. Он даже сравнивал традиционную историю с астрологией, а психоисторию с астрономией. Тем не менее, как показало будущее, влияние психоисториков как на историю, так и психологию оказалось не таким существенным, как представлялось основателям этого междисциплинарного направления.

Сторонники внутренней кооперации истории и психологии смогли добиться определенных успехов, однако их деятельность по совершенствованию общих методологических подходов далека от завершения. Современные история и психология не являются целостными науками. Они разделены на множество тематических и методологических направлений. Только будущее покажет, возникнут ли на их основе новые проекты совместной междисциплинарной интеграции. Объединение наук возможно при наличии общих потребностей и интересов. Вместе с тем, остается актуальной проблема взаимного понимания. Кажется, что представители двух наук связаны традициями взаимного игнорирования, преодоление которых требует изменения образовательных программ и тесного знакомства с методологией сопредельных дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1973.
2. Вундт В. Введение в философию. М. : ЧеРо, Добросвет, 2001.
3. Выготский Л. Мышление и речь. Психологические исследования. М. ; Лг. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
4. Поршнев Б. Социальная психология и история. М. : Наука, 1966.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб. : Образование, 1911.
6. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991.
7. Шкуратов В. Историческая психология. М. : Смысл, 1997.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Ленато, АСТ, 1996.
9. Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2005.
10. De Mause L. The Emotional Life of Nations. New York; London: Karnac, 2002.
11. Hayton D. W. Lewis Namier: Nationality, Territory and Zionism. // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 30. No 2. 2017. P. 172–182.